

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 10.02.19)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-130-137

МАКАРОНИЗМЫ (МАКАРОНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ) В КАТЕГОРИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ¹

© *Заира Константиновна Тедеева¹, Элла Германовна Куликова², Оксана Михайловна Акай³*
¹Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Южная Осетия; ²Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия; ³Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹tedeeva.zaira@mail.ru ²kulikova_ella21@mail.ru ³oksanaakay@mail.ru

Аннотация. Все виды иноязычной лексики – заимствования, экзотизмы и макаронизмы – нередко представляются единицами, затрудняющими коммуникацию и даже представляющими угрозу национальной идентичности. Макаронизмы, будучи по сути чужеродными явлениями (в отличие от ассимилированных заимствований) в системе использующего их языка, оказывают на него влияние, и это влияние нередко оценивается как деструктивное. Анализируется феномен макаронической речи, которая в XXI в. стала чрезвычайно масштабным явлением, в аспекте экологической лингвистики и экологического мышления. Речь идет о многомерности макаронизмов, о критериях их экологического использования в современном русском языке. На примере языковой ситуации в РЮО (Республики Южная Осетия) доказываем продуктивность использования макаронизмов в ситуации переключения кода. Таким образом, исследуется транслингвальный аспект лингвоэкологии, связанный с функционированием единиц одного языка, одной культуры в контексте иного языка и другой культуры.

Ключевые слова: макаронизмы, лингвоэкология, межкультурная коммуникация, государственный язык, постсоветское пространство, русский язык, осетинский язык, двуязычие.

Для цитирования: Тедеева З.К., Куликова Э.Г., Акай О.М. Макаронизмы (макароническая речь) в категориях лингвистической экологии // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 88. №5. С. 130-137. doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-130-137

PHILOLOGY

(specialty: 10.02.19)

Original article

Macaronisms (macaronic speech) in the linguistic ecology categories

© *Zaira K. Tedeeva¹, Ella G. Kulikova², Oksana M. Akay³*

¹South Ossetian State University of A.A. Tibilov. TskhinVal, South Ossetia; ²Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. Rostov State University of Economics. Rostov-on-Don, Russian Federation; ³St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹tedeeva.zaira@mail.ru ²kulikova_ella21@mail.ru ³oksanaakay@mail.ru

Abstract. All the types of foreign lexis – borrowings, exotisms and macaronisms – are often presented as units making communication difficult and even as a threat to national identity. Macaronisms, in fact being foreign phenomena (unlike assimilated borrowings) in the system of the language using them, influence on it, and this influence is often evaluated as destructive. The article in the aspect of ecological linguistics and ecological thinking analyzes the phenomenon of macaronic speech, which in the XXI century has become an extremely large-scale phenomenon. The authors investigate the multidimensional nature of macaronisms, the criteria for their ecological use in the modern Russian language. On the example of the lingual situation in the Republic of South Ossetia, the productivity of the macaronisms use in switching the code is proved. Thus, the authors study the translingual aspect of linguoecology connected with the functioning of units of one language, one culture in the context of another language and another culture.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001

Key words: macaronisms, linguoecology, intercultural communication, state language, post-Soviet space, Russian language, Ossetian language, bilingualism.

For citation: Zaira K. Tedeeva, Ella G. Kulikova, Oksana M. Akay Macaronisms (macaronic speech) in the linguistic ecology categories. *The Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 88. No 5. P.130-137. doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-130-137

Введение

Согласно традиционной классификации иноязычных слов, наиболее значимо различие ассимилированных, освоенных единиц и внесистемных элементов, которые именовались макаронизмами, варваризмами или иноязычными вкраплениями. Иноязычные вкрапления, нередко без транслитерации, применялись еще в античности (элементы греческого языка в латинских текстах). В Средние века установились приоритетные функции макаронической речи в тексте: латынь символизировала ученость, французский – светскую жизнь, итальянский – искусство и т.д. [17, p.16]. Весь XIX в. в России прошел под знаком французского языка, что отражено в классической литературе (ср. отдельные макаронизмы в текстах Пушкина или обширные вставки на французском языке в романах Л. Толстого). Мера использования этого художественного приема всегда зависела не только от билингвизма или полилингвальности автора и его творческих интенций, но (не в последнюю очередь) – от социальных, экстралингвистических условий. В период так называемой борьбы с низкопоклонством перед Западом макароническая речь была не популярна. Напротив, с конца XX в. тексты большинства жанров насыщаются разноуровневыми элементами английского языка (ср. романы В. Пелевина или медиатексты, где используются отдельные литеры, слова, словосочетания, высказывания и – реже – развернутые фрагменты текстов английского языка). Однако далеко не всегда можно говорить о мотивированном и оправданном использовании иноязычных вкраплений: они применяются в качестве демонстрации престижа и социального статуса отправителя речи, что не связано с разумной функциональностью, а потому усугубляет непростую лингвокультурную ситуацию с русским языком [7]. Указанные авторы в выводах к своей работе пишут прямо и однозначно: рекомендуется ограничивать употребление вкраплений в речевой деятельности/практике и минимизировать поиск ресурсов вне системы родного языка. Рассмотрим подробнее параметры современной макаронической речи и ее соответствие лингвоэкологическим параметрам, то есть представлениям о благе и пользе для родного языка.

Обсуждение

1. Макаронизмы: стилистический прием vs маркетинговый ход

Макароническая речь не вполне четко отграничивается от иных не ассимилированных иноязычных элементов – варваризмов и экзотизмов, и вообще эта классификация, которая после работ Л.П. Крысина 1960-х годов активно тиражируется в учебных пособиях лишена единого основания. Экзотизмы, например, выделяются исключительно по внешнесистемному признаку: они обозначают нечто чуждое для европейца. Терминами «варваризмы», «иноязычные вкрапления» и «макаронизмы» фактически обозначается одно и то же: это иноязычные элементы, не освоенные или недоосвоенные в языке-рецепторе, причем один из этих терминов – варваризмы – пейоративно окрашен (в силу прозрачности внутренней формы) и потому мало пригоден для нейтрального терминологического обозначения. Реже, чем перечисленные термины, в сходном значении используются также наименования «окказиональные слова иноязычного происхождения», «билингвизмы» и «алиенизмы». Иноязычные вкрапления традиционно выполняли роль источника комического: комично выглядело, например, сочетание просторечия с ученой латынью. Недаром макаронизмы стали распространенным приемом и источником нонсенса, нарочито несурзной речи. В XX в., например, у Джеймса Джойса макаронизмы олицетворяют целую философию взаимопроникновения культур, ибо иноязычное слово облегчает течение мысли. При таком подходе на первый план выступает эстетическая функция макаронизмов, которая позволяет достичь расширения смысловых границ текста, передать информацию со сложной «многослойной» структурой [16].

По склонности автора использовать макаронические вкрапления (или по отсутствию таковой) можно многое сказать не только об эстетических предпочтениях, знании языков, но даже о политических взглядах. Так, закономерно полное отсутствие иноязычных заголовков в текстах славянофилов XIX в., а также у тех авторов XX в., чье творчество ориентировано на поэтизацию русской старины и русской самобытности. По понятным причинам макароническая речь слабо представлена в советской литературе: утратилась традиция серьезного обучения языкам, а значит – почти не стало авторов, которые понимали бы, что «иное на ином языке не мыслится» (М.Цветаева). В советской истории были периоды, когда демонстрировать знание иностранных языков вообще было небезопасно. Так что макароническая речь как стилистический прием процветала только в эмигрантской литературе. Положение резко изменилось в постперестроечный период. Начиная с 1990-х гг. XX в. макаронизмы стали активно использоваться в медиа, а также в роли урбанонимов и эргонимов. В связи с этим само лингвистическое понятие утратило четкость и определенность: если безусловным признаком макаронизма считалась нетранслитерированность, то в 1990-е гг. появилось огромное число англицизмов, которые, несмотря на латинскую графику, семантически и прагматически были вполне освоенными.

Лексикография отреагировала на изменения: в издание с названием «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г.Н. Складчиковой [13] впервые были включены лексические единицы и аббревиатуры в латинской графике – *CD, Hardware, Internet, Multimedia* (прежде нетранслитерированные единицы фиксировались в изданиях типа сборников латинских афоризмов). Фактически это стало признанием важной роли макаронизмов именно для системы использующего языка, причем сами макаронизмы перестали считаться первой стадией освоения, за которой должны последовать другие. Как известно, фактами языка считались лексические заимствования с лексикографической фиксацией, а макаронизмы представлялись незамкнутой группой иносистемных единиц. С конца XX в. Это положение перестало быть незыблемым.

В исследованиях конца XX – начала XXI вв. были отмечены новые функции макаронизмов в медиа: В.С. Норлусенян писал, что маркетинговая политика современных изданий состоит не в расширении читательского потока (что могло быть достигнуто подстрочными комментариями, разного рода разъяснениями смысла макаронических вкраплений), а, напротив, в избирательном подходе, когда низкая языковая компетентность адресата намеренно не учитывается адресантом [13, с. 61]; М.Ю. Кириенко назвала такую практику «агрессивной демонстрацией языковой компетенции» [8, с. 22]. На этот период (рубеж XX-XXI вв.) приходятся ожесточенные дискуссии о роли и месте иноязычных элементов в современном русском языке, причем нередко высказываются резко отрицательные суждения: англицизмы вообще, тем более – нетранслитерированные, представляются проявлением речевой агрессии, равнодушия к русскому языку и вообще – реальной угрозой национальной самобытности и русской культуре. Однако мода на иноязычие, своеобразная ксенофилия оказалась сильнее, чем голоса протеста, так что даже старые, давно ассимилированные заимствования стали возвращаться в «досистемную стадию» (*Casino*), а исконные слова, выбранные в качестве эргонимов, стали оформляться средствами латинской графики: *Junost'* и под.; ср. названия телепередач *Пятница News, Вестнi Net, FreШ*. Игра с графикой, или контаминация латиницы и кириллицы – массовый прием в гламурной литературе: «*Про любoff/on*», «*Casual. Повседневное*» О. Робски, «*Fuck'ты*» М. Свешниковой, «*The Телки*», «*Духless*» С. Минаева и т.п. Ср. также контаминации, в которые включены одна или несколько иноязычных графем, характерные для рекламного дискурса/текста: *удоVOLVOствие* или *Сенсация, которую Вы ждали* (о компьютерах фирмы Sens). Такие игры с графикой нередко оцениваются резко отрицательно: «*Замуж за миллионера или брак высшего сорта*» – начертано на переплете одного из таких опусов. Латинское «Z» вместо русского «З» – обычный в наше время рекламный вытендрейж» (Вл. Новиков «Не уверен – не поправляй»). Цитируемый автор видит, однако, художественную ценность в слове *Духless*; ср.: «*Минаев заезженную «бездуховность» вывер-*

нул наизнанку и вместо русского «без» подшил английский суффикс «less» – всего-то и делов. И сработало. Маркетинг... <...> Увы, все произведение соткано из риторического старья. Пожалуй, стоило бы переписать его от начала и до конца. Но название и подзаголовки оставить. Это прикольно. Это неожиданный сигнал: «продвинутую» молодежь затошнило от потребительского благополучия» (Вл. Новиков «Прикольно» или «качественно»?)). Как считает Н.А. Гуторова, когда латинская графика используется неоправданно, «происходит разрушение стандартов кириллического письма». «Латинизацию» русского текста необходимо регулировать в соответствии с прагматической категорией уместности [4]. Если в публикациях последних лет появились основательные аргументы в пользу массивного заимствования (например, трактовка новейших англицизмов как элиминированных понятийных лакун в работе О.М. Акай [1]), то макаронизмы (иноязычные вкрапления) по-прежнему нередко рассматриваются как деструктивное явление. Макаронизмы являются наиболее дискуссионным объектом в плане соответствия принципам экологии языка.

В Федеральном законе от 1 июня 2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», закреплена позиция государства относительно употребления иноязычных терминов в официальных источниках: ч. 6 ст. 1 закона гласит, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Естественно, что соблюдению закона препятствует неопределенность и размытость понятия «аналога», ибо практически всегда исконное слово и заимствование отличаются если не семантикой, то прагматикой. Сравнение с европейскими языками показывает, что для них более характерно, чем для России, стремление ограничивать макаронические вкрапления, использовать собственные наименования. Новый вид бизнеса, названный в США *coworking* (*co* + *working*), во французском официальном языке называется *cotravail*, в испанском – *cotrabajo*, в каталанском – *cotraball*. В русском языке у слова «*соробота*» никаких перспектив: оно представляется чем-то вроде шишковских «мокроступов», и в наших медиа доминирует макаронизм *coworking*. Макаронизмы закономерны в случаях транснациональных брендов (*Macdonald's*). Под влиянием моды появилось множество российских торговых марок, запатентованных на английском языке (*Savage, Polaris, Kanzle*). И хорошо, если «креативному номинатору» не изменяет вкус. Ср.: «...сапожная мастерская *Versal*, это мы вроде перенеслись во Францию. Жалко, что тамошний *Versal* пишется иначе, но, с другой стороны, он ведь и не сапожная мастерская» [10, с. 133-134]. Конечно, экологическим критериям соответствует не агрессивное навязывание англицизмов, которые непонятны реципиентам, а корректное введение иноязычных элементов с необходимыми пояснениями: Заголовок: **Face-контроль на входе в подъезд. Лид: Как изменятся города после пандемии?**

«Такие решения, как **Face-ID** (контроль входа по лицу, аналогичный разблокировке смартфона – прим. ред.) для дверей подъездов уже внедряются передовиками строительства, а через пару лет станут стандартом для некоторых классов жилья» (Аргументы и факты, 2020, № 24). «Стримить – выходить в прямой эфир, чтобы поиграть в Сети, – может каждый. Попасть в трэш-стрим – тоже прямой эфир, но где унижают за деньги, тоже легко» (Российская газета, 4 февраля 2021 г.). Есть, впрочем, обоснованное мнение, что при сегодняшней доступности интернета Википедия легко прояснит все, что вызвало трудности у реципиента, поэтому автору нет нужды самому вводить в текст комментарии по поводу малоизвестных слов. В.И. Мозговой [12] полагает, что латинское графическое оформление допустимо только в международных брендах, а во всех остальных случаях оно деструктивно. Полагаем, что дело обстоит несколько иначе. Общественно-политические и экономические условия России конца XX – начала XXI вв. определили толерантность к макароническим вкраплениям, без них сегодня не обходятся ни медиа, ни терминосистемы, ни качественный художественный текст. Уже массовость явления свидетельствует в пользу той точки зрения, что оно не может быть полностью отвергнуто как не соответствующее благо рус-

ского языка как инструмента поддержания национальной общности. Иное дело, что прием макаронической речи имеет как удачные (а значит – соответствующие общему коммуникативному благу), так и неудачные примеры применения. Можно указать условия, в которых макароническая речь более всего оправдана. Это условия реального двуязычия, где для оптимальной коммуникации с необходимостью используется переключение кода.

2. Макароническая речь как переключение кода в условиях двуязычия

Глобальный билингвизм эпохи (русский язык + английский язык) на территории бывших советских республик естественным образом усложняется и имеет вид «родной язык + русский язык + английский язык»). Русский язык на обширном пространстве бывшего СССР не представляет собой монолитного единства: не случайно для характеристики его особенностей применяется понятие «региолект». Региональный вариант русского языка в бывших советских республиках характеризуется вкраплениями из языка коренной нации. Очень часто такие лексические единицы в русском языке именуется экзотизмами, ибо они символизируют иную культуру и иной быт. Понятие региолекта стало разрабатываться сравнительно недавно, однако лексические единицы, используемые только в зоне контактирования, исследовались давно [3].

Только в условиях региолекта, сложившегося на территории Северной и Южной Осетии, используются следующие наименования осетинских блюд: *картофджын* – ‘пирог с картофелем и сыром’, *фыджын*, мн. ч. *фыджыны* – ‘пирог с мясом’, *уалибах* – ‘пирог с сыром’), *лавжа* – говяжий бульон, *цахараджын* – ‘пирог с листьями’, *и рæ н хæри нæгтæ* – ‘осетинская кухня’, *баганы* – ‘осетинское пиво’, физонаг (фижонаг) – ‘шашлык’, *цахдон* – ‘острый сметанный соус’, *кæрдзын* – ‘чурек’, и под. Использование осетинских локализмов носителями русского языка обусловлено психологическим, социальным и культурным взаимодействием с носителями осетинского языка. Это средство идентификации в культурном пространстве именно данного региона. Сканирование языковой ситуации в РЮО выявило 100%-ное владение двумя языками – осетинским и русским, причем билингвы субординативного типа, использующие преимущественно осетинский язык, составили 52,6 % [2, с. 126-127]. В указанной работе проанализировано «переключение кодов» как важная речевая стратегия первых лиц РЮО и показано, что в речах прежнего (Л.Х. Тибилова) и нынешнего (А.И. Бибилова) президентов эта стратегия призвана осуществить сближение с рядовыми гражданами. На полуофициальных встречах руководства с народом используется обычно осетинский язык. «Прием смешения языковых кодов, макаронический стиль, допустимый только в разговорном регистре общения, маркирует стратегию отождествления власти и народа: (я – такой как вы / я – один из вас)» [5, с. 132]. В осетинские фразы вставляются русские слова и выражения, при этом возможно такое явление, как морфологическая интерференция, при котором к русской основе присоединяется осетинский формант *-ы*. Если встреча осуществляется на русском языке, возможны вставки из осетинского языка. Югоосетинская билингвальная ситуация типична для многих бывших республик СССР, и сложилась она под влиянием общественно-экономических и политических условий не только сегодняшнего дня.

Как известно, в СССР не было официального государственного языка, а статус русского обозначался как «добровольно избранный язык межнационального общения», при этом провозглашалось равенство языков и культур, декларировалась необходимость процветания всех языков и культур. Однако еще во времена СССР началось сокращение числа лиц, активно владеющих осетинским языком, и этот процесс только усугублялся после распада СССР. В настоящее время в законе «О государственных языках РЮО» четко определен статус осетинского и русского языков как двух государственных языков, причем русский язык признан государственным на основе результатов референдума 2011 года. Хотя русский и осетинский языки активно взаимодействуют больше двух столетий, трудно говорить о гармоничном двуязычии, при котором в равной степени развиваются и процветают оба взаимодействующих языка. Ясно, что влияние русского языка неизмеримо значительнее, и проявляется это прежде всего в прямых лексических заимствованиях. Противоречит

принципам экологичности то, что русские слова нередко вытесняют из осетинского языка исконные обозначения из основного лексического фонда, которые традиционно передавали соответствующие понятия, в том числе бытовые. Слова *сметана, пирог, клубника, смородина, носки, чайник, юбка, кофта, магазин, больница* вытесняют осетинские обозначения, и, естественно, что к обогащению осетинского языка этот процесс не приведет. Такие включения порождают особый тип макаронической речи [6].

Выводы

Для таких включений нет собственно лингвистических причин, но есть, конечно, причины экстралингвистические. Вообще это пример отрицательного воздействия ассимиляции, когда малый по численности этнос постепенно поглощается большим. Идея сохранения, сбережения является доминантной экологического мышления. Ключевая категория лингвоэкологии может быть обозначена как деградация: экологическая лингвистика отслеживает опасные симптомы деградации языка и стремится выработать «рецепты спасения». Не просто выживание языка, но его устойчивое развитие, сохранение многообразия форм выражения – такова цель экологического подхода к языку. Важно и то, что сохранение языка не мыслится без связи с обществом, что предполагает объективацию социальных процессов в языке. Иноязычия всех типов, в том числе неассимилированные макаронизмы, служат для распространения в сознании носителей языка новых идей и моделей поведения, формируют в сознании носителей языка новую действительность, затрагивают сферу эстетических вкусов, морально-этических представлений. Поэтому использование макаронизмов, при соблюдении принципа прагматической уместности, никак не может быть отнесено к деструктивным явлениям, противоречащим экологическому мышлению.

Список источников

1. *Акай О.М.* Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты. Дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 406 с.
2. *Бекоева И.Д., Тамерьян Т.Ю.* Югоосетинский политический дискурс в полилингвальном коммуникативном пространстве // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 126-130.
3. *Гальченко И.Е.* Лексика языков народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1976. 100 с.
4. *Гуторова Н.А.* Аксиология языковых заимствований в контексте лингвистической экологии (на материале современных англо-американизмов). Автореф. .... дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2016. 24 с.
5. *Джисоева В.П., Тамерьян Т.Ю.* Парламентская коммуникация в условиях двуязычия: речевое поведение политика-билингва // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 130-133.
6. *Дзодзикова З.Б., Кульчиева М.А.* Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. Ч. 1. С. 118-120.
7. *Киреева Ю.Н., Казютина Е.С., Сурова М.Н.* Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. №1. <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK120.pdf>
8. *Кириенко М.Ю.* Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1992. 155 с.
9. *Котлярова Т.Я.* Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Вып. 1. С. 254-258.
10. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008. 229 с.

11. *Кунавин Б.В., Лазарова И.А.* Локальные лексические заимствования как мультикультурное явление в русском региолекте Республики Северная Осетия-Алания // *Известия СОИГСИ Языкознание. Литературоведение. Фольклористика.* 2020. № 37 (76). С. 91-103.
12. *Мозговой В.И.* Нейминг и норма // *Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка.* (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20-23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 345-349.
13. *Норлусенян В.С.* Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 149 с.
14. *Сенько Е.В., Лазарова И.А.* К проблеме русско-осетинских языковых контактов // *Известия СОИГСИ.* 2018. № 29 (68). С. 138-143.
15. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Из-во «Фолио-Пресс», 1998. 406 с.
16. *Урсул Н.В.* Развитие макаронизмов в британской культуре // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения.* М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 3-11.
17. *Schmeling M., Schmitz-Emans M.* Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert. Würzburg, 2002. 346 p.

References

1. *Akay O.M.* The phenomenon of grammatical lacunarity: cognitive and linguo-pragmatic aspects. Thesis. Rostov-on-Don, 2020.406 p.
2. *Bekoeva I.D., Tameryan T.Yu.* South Ossetian political discourse in a multilingual communicative space // *Scientific Thought of the Caucasus.* 2016. No. 4. P. 126-130.
3. *Galchenko I.E.* Vocabulary of the languages of the peoples of the North Caucasus. Ordzhonikidze, 1976.100 p.
4. *Gutorova N.A.* Axiology of linguistic borrowings in the context of linguistic ecology (based on the material of modern Anglo-Americanisms). Abstract of thesis. Maykop, 2016.24 p.
5. *Dzhioeva V.P., Tameryan T.Yu.* Parliamentary communication in conditions of bilingualism: speech behavior of a politician-bilingual // *Scientific Thought of the Caucasus.* 2016. No. 4. P. 130-133.
6. *Dzodzikova Z.B., Kulchieva M.A.* Russian lexical borrowings in the oral speech of the Ossetian language // *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2016. No. 3. Part 1. P. 118-120.
7. *Kireeva Yu.N., Kazyutina E.S., Surova M.N.* Functioning of foreign language inclusions in the modern Russian language // *World of Science. Sociology, philology, cultural studies.* 2020. No. 1. <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK120.pdf>
8. *Kirienko M.Yu.* Macaroni speech as a function of foreign language inclusions. Thesis. Rostov-on-Don, 1992.155 p.
9. *Kotlyarova T.Ya.* Inclusions and borrowings from the English language in the French-speaking Internet space: language policy and usage // *Philological sciences. Questions of theory and practice.* Tambov: Diploma, 2020. Volume 13. Issue. 1.P. 254-258.
10. *Krongauz M.A.* The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2008.229 p.
11. *Kunavin B.V., Lazarova I.A.* Local lexical borrowings as a multicultural phenomenon in the Russian region of the Republic of North Ossetia-Alania // *Bulletin of SOISSI Linguistics. Literary criticism. Folklore studies.* 2020. No. 37 (76). P. 91-103.

12. *Mozgovoy V.I.* Naming and the norm // Russian language: historical destinies and modernity. VI International Congress of Researchers of the Russian Language. (Moscow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, March 20-23, 2019). Works and materials. M.: Publishing house of Moscow University, 2019. P. 345-349.
13. *Norlusenyan V.S.* Macaronisms of English origin in modern Russian. Thesis. Rostov-on-Don, 2000. 149 p.
14. *Senko E.V., Lazarova I.A.* On the problem of Russian-Ossetian language contacts // Bulletin of SOISSI. 2018. No. 29 (68). P. 138-143.
15. Explanatory dictionary of the Russian language at the end of the twentieth century. Language changes / Ed. G.N. Sklyarevskaya Russian Academy of Sciences, Institute for Linguistic Research. SPb.: Publishing house "Folio-Press", 1998. 406 p.
16. *Ursul N.V.* Development of macaronisms in British culture // Linguistic and regional studies: methods of analysis, teaching technology. M.: MGIMO-University, 2012. P. 3-11.
17. *Schmeling M., Schmitz-Emans M.* Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert. Würzburg, 2002. 346 p.

Статья поступила в редакцию 19.08.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 19.08.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 15.09.2021.